
НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе третье, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Я. А. Исакова, 1880. Томы первый и шестой.

На долю критики выпадаетъ своеобразная задача когда ей приходится вести рѣчь о полномъ собраніи сочиненій какого-либо знаменитаго писателя. Оцѣнка такого рода изданій въ сущности сводится къ кропотливому изслѣдованію вопроса въ какой степенѣ воспользовался редакторъ накопившимися матеріалами, насколько добросовѣстно и тщательно сначала онъ существующій текстъ съ рукописями, поправками, дополненіями, съ такъ-называемою *editio princeps*. Каждое полное собраніе сочиненій представляетъ множество уязвимыхъ сторонъ, начиная съ орфографіи и кончая возможностью вызвать злорадный вопросъ: извѣстенъ ли былъ г. редактору вариантъ стиха находящійся въ спискѣ принадлежащемъ такому-то помѣщику, такой-то губерніи, деревни и уѣзда? Русскому читателю, судящему по мѣркѣ русской книгопродавческой и издательской дѣятельности, трудно представить себѣ то множество и разнообразіе изданій Гёте и Шиллера которое существуетъ въ Германіи. По отношенію къ количеству

этихъ изданій наши изданія Пушкина составляютъ въ полномъ смыслѣ лишь каллю сравнительно съ моремъ. Тѣмъ не менѣе дополненія и поправки къ сочиненіямъ Гёте и Шплера безостановочно продолжаются въ Германіи, и вы то и дѣло можете встрѣтить въ нѣмецкихъ журналахъ разныя замѣтки и споры относящіяся къ этому предмету. Поэтому можно судить о той массѣ возраженій и придирокъ которую слобно вызвать новое изданіе сочиненій Пушкина. Говоря откровенно мы думаемъ что это изданіе есть не что иное какъ одна изъ тѣхъ переходныхъ ступеней которыя сочиненіямъ Пушкина придется еще во множествѣ перейти прежде нежели мы получимъ редакцію по справедливости удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ строго установленнаго текста, всѣмъ требованіямъ хронологіи, полноты и ясности. Мы думаемъ что это новое изданіе въ значительной степени вызвано потребностію публики имѣть наконецъ опять подъ руками сочиненія Пушкина, что оно составляетъ какъ бы извѣстное *à propos* ко времени открытія памятника, что оно какъ бы вырвано у г. Исакова ролотомъ публики лишенной за послѣднее время возможности найти въ продажѣ сочиненія Пушкина. Трудно объяснить себѣ почему г. Исаковъ не предпринялъ этого изданія годомъ, двумя, тремя годами ранѣе. Повторяемъ, это гораздо болѣе предпріятіе вызванное настоятельными требованіями исключительно сложившихся обстоятельствъ, нежели серьезное и крупное явленіе въ области Пушкинскихъ изданій.

Откроемъ предисловіе (оно никѣмъ не подписано). На первой страницѣ вы читаете:

„Къ сожалѣнію мы не могли имѣть доступа къ тѣмъ драгоценнымъ рукописямъ поэта которыя находились въ распоряженіи П. В. Анненкова и потому должны были ограничиться только *гранящимися* у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ; а при скудости такихъ рукописей обратились къ первоначальнымъ изданіямъ и производили свѣрку со всѣми.“

Итакъ драгоценныя рукописи не находились въ рукахъ издателя; приходилось обращаться къ другимъ, „ограничиваться“ этими „другими“, пользоваться „только“ тѣмъ что можно было найти у „нѣкоторыхъ“ частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ. Основной, существенный матеріалъ для каждаго серьезнаго изданія, подлинныя рукописи

поэта; по признанію автора предисловія, подлинныя рукописи эти лишь въ *скудномъ* количествѣ могли быть имъ добыты и просмотрѣны. Сопоставьте этотъ рядъ выраженій: *къ сожалѣнію, только, нѣкоторыя частныя лица, скудость*; обратите вниманіе на скорбное чувство съ какимъ заявляется о *невозможности имѣть доступъ* къ *драгоценнымъ* рукописямъ бывшимъ въ распоряженіи П. В. Анненкова, и вы несомнѣнно должны будете придти къ слѣдующему выводу. Вопервыхъ, издатель и редакторъ располагали для своего новаго изданія лишь *скуднымъ* количествомъ главнаго основнаго матеріала. Во вторыхъ, даже этотъ скудный матеріалъ былъ какъ бы матеріаломъ второстепеннаго качества. Къ такому выводу невольно приводитъ вздохъ сожалѣнія о недоступныхъ *драгоценныхъ* рукописяхъ которыми пользовался г. Анненковъ и которымъ не могъ воспользоваться г. Ефремовъ. Намъ могутъ возразить что мы произвольно считаемъ „рукописи *нѣкоторыхъ частныхъ лицъ* и общественныхъ книгохранилищъ“ менѣе *драгоценными* нежели рукописи которыми пользовался г. Анненковъ. Г. Ефремовъ и г. Исаковъ сами виноваты въ томъ что ихъ предисловіе заставляетъ придти къ такимъ выводамъ. Что это такое: *нѣкоторыя частныя лица*? Что значить: общественныя книгохранилища? Въмѣсто такихъ неопредѣленныхъ выраженій слѣдовало бы просто и ясно сказать въ предисловіи: мы положили въ основу нашего изданія: А) рукописи Императорской Публичной Библіотеки (№№ такіе-то), рукописи Румянцевскаго Музея (№№ такіе-то) и т. д.; Б) рукописи частныхъ лицъ (имена и фамиліи ихъ, происхожденіе, описаніе и содержаніе рукописей). Только въ этомъ случаѣ возможна была бы провѣрка, возможно было бы опредѣлить достоинство или недостатки изданія, сослаться на него какъ на авторитетъ или указывать на его ошибки. Какую пользу можно теперь извлечь изъ приложенныхъ къ новому изданію библиографическихъ примѣчаній когда мы, напримѣръ, читаемъ здѣсь, стр. 535:

„Сказка (стр. 205)—стихотвореніе написано въ подражаніе сказкамъ въ рождественскіе вечера, потому *въ рукописи* имѣеть еще заглавіе *Noel*.“

Въ рукописи! Въ какой рукописи? Это неопредѣленное названіе „рукопись“ употребляется въ примѣчаніяхъ на каждой страницѣ, и ничего не объясняетъ любознательному чи-

тателю. Внимательно изучивъ „примѣчанія“ г. Ефремова, мы можемъ даже придти къ заключенію что рукописи „нѣкоторыхъ“ частныхъ лицъ въ сущности сводятся къ *тетради* графа Корфа и къ *рукописи* графа Калныста, о которыхъ упоминается нѣсколько разъ. Читатель приходитъ въ недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ: что знаемъ мы о рукописяхъ Пушкина? Сколько ихъ? Какой ихъ составъ? Гдѣ онѣ? На *Пушкинской выставкѣ* въ Москвѣ лежало въ витринахъ множество рукописей Пушкина: какія это были рукописи—извѣстныя уже издателямъ или вновь открытыя? По Москвѣ ходили слухи о цѣломъ ящикѣ рукописей присланныхъ будто бы отъ сына поэта; что это за рукописи? Мы не получаемъ въ новомъ изданіи никакого отвѣта на эти вопросы. Но это еще не все. Недостаточно имѣть подъ руками *драгоценныя* рукописи. Нужно еще умѣть ими пользоваться. Г. Ефремовъ утверждаетъ что г. Анненковъ не умѣлъ этого дѣлать, крайне небрежно относился къ *драгоценнымъ рукописямъ*, читалъ ихъ *поверхностно*, а нѣкоторые стихи даже *безграмотно*:

„Печатаемая нынѣшнее изданіе, говоритъ г. Ефремовъ, мы убѣдились что г. Анненковъ *крайне небрежно* относился къ драгоценнымъ рукописямъ поэта, бывшимъ въ его распоряженіи. Повидимому, свѣрка печатнаго текста производилась только *поверхностно*, а не построчно, доказательствомъ чему служить то что стихи пропущенныя посмертнымъ изданіемъ *чисто по недосмотру*, и потому не означенныя точками, остались не возстановленными и г. Анненковымъ. Кромѣ того, г. Анненковъ, повидимому, плохо читалъ или плохо переписывалъ рукописи поэта для изданія, потому что нерѣдко одно и то же неизданное стихотвореніе воспроизводилось имъ въ разныхъ мѣстахъ изданія въ разныхъ *же* (?) видахъ. Такихъ примѣровъ множество, не говоря уже о томъ что есть *безграмотно прочитанные* издателемъ стихи (говоримъ прочитанные, потому что безграмотно написать Пушкинъ не могъ) и что Пушкинскія обозначенія времени въ которое написана стихотвореніе въ разныхъ мѣстахъ указываются г. Анненковымъ иначе.“ (Стр. 509).

Г. Ефремовъ на каждомъ шагу мечетъ стрѣлы въ г. Анненкова.

Стр. 510—511... „*Романсъ*. Пушкинъ началъ было переправлять этотъ Романсъ для изданія своихъ стихотвореній 1826

года, не поковычиль и вычеркнуль вмѣстѣ съ семью лицейскими стихотвореніями. Г. Анненковъ говоритъ что вычеркнуто было девять піесъ, но по перечету приведенныхъ или заглавій оказывается только восемь. Замѣчаніе же его будто первый издатель просмотрѣлъ въ послѣднемъ куллетѣ одинъ стихъ *сполнѣ неосновательно*. Г. Анненковъ... *не поправиль... не упомянулъ*“ и т. д.

Стр. 515. „Къ Батюшкову. Неправильной пунктуациею г. Анненковъ испортилъ третій отъ конца стихъ“ и т. д.

Стр. 516. „Къ Галичу. Г. Анненковъ, сверхъ невыправки двадцать втораго стиха, во многихъ мѣстахъ неправильностию знаковъ препинанія *измѣнилъ смыслъ посланія*“ и т. д.

Стр. 520. „Усы. Напечатано въ посмертномъ изданіи, а г. Анненковъ отнесъ его къ 1817 году, прочитавъ въ рукописи Пушкина помѣту: писано 8 марта 1817 года, но, *по обычаю своему, прочиталъ невѣрно*“ и т. д.

Не будетъ продолжать эти цитаты. Приведенныхъ достаточно чтобы показать какъ недоволенъ г. Ефремовъ г. Анненковымъ. Г. Анненковъ считался до настоящаго времени авторитетомъ по всѣмъ вопросамъ относящимся къ Пушкину. Г. Ефремовъ насаждаетъ въ насъ обильный поствъ сомнѣній относительно этой авторитетности. Время и полемика должны будутъ рѣшать кто правъ и кто виноватъ. Пока читатель только сбить съ толку. У г. Анненкова были въ рукахъ *драгоценныя рукописи*, но онъ относился къ нимъ „крайне поверхностно“ и т. д.; у г. Ефремова, вѣроятно, не было ни поверхностнаго отношенія, ни тѣхъ дурныхъ „обычаевъ“ въ которыхъ онъ упрекаетъ г. Анненкова, но у него, excusez du peu, не было въ рукахъ рукописей. Мы разочаровываемся въ г. Анненковѣ; при всемъ желаніи мы не можемъ почувствовать однако полного довѣрія и къ изданію г. Ефремова. Насъ смущаетъ *скудость* матеріаловъ бывшихъ въ распоряженіи издателя. Указывая (стр. 510) на цѣлый рядъ противорѣчій г. Анненкова, г. Ефремовъ восклицаетъ: „какъ же провѣрить такіа раздорѣчія безъ помощи рукописей?“

Въ новомъ изданіи сочиненій Пушкина принять *хронологическій* порядокъ размѣщенія піесъ. Г. Ефремовъ считаетъ такой порядокъ „единственно возможнымъ для каждаго изданія претендующаго быть хорошимъ“. Въ силу этого на ряду съ мелкими стихотвореніями въ первый томъ

введены: *Русланъ и Людмила, Кавказскій Плънникъ, Братья Разбойники, Блгчисарайскій фонтанъ, Цыганы*. Г. Ефремовъ не безъ нѣкоторой гордости указываетъ на то что произведенія Пушкина размѣщены у него въ строго-хронологическомъ порядкѣ, не исключая изъ общаго ряда: поэмъ, повѣстей, драматическихъ произведеній, сказокъ и т. д. Какія основанія побудили къ такому размѣщенію? Признаемся, основанія эти намъ не совсѣмъ ясны. Какія удобства или преимущества имѣеть онъ для читателя? Въ подтвержденіе своего взгляда г. Ефремовъ приводитъ лишь два факта: изданіе 1829—1835 годовъ, сдѣланное *самимъ* поетомъ, было въ строго-хронологическомъ порядкѣ; Жуковскій сдѣлалъ въ этомъ же порядкѣ послѣднее изданіе собственныхъ сочиненій. Все это прекрасно, но не вполне убѣдительно. Мы желали бы чтобы намъ были доказаны преимущества хронологическаго порядка. Всѣ выгоды его достигаются самымъ простымъ способомъ: издателю стобитъ только приложить въ концѣ хронологическую таблицу всѣхъ произведеній. Хронологическій порядокъ, на которомъ такъ настаиваетъ г. Ефремовъ, въ сущности имѣеть лишь значеніе *справочное, біографическое, историко-литературное*; все это достигается указанною таблицей. Для массы читателей хронологическій порядокъ совершенно неудобенъ, а между тѣмъ изданіе сочиненій Пушкина разчитано именно на массу, на все русское общество. Въ любимой книгѣ, какою должны быть сочиненія Пушкина, важно знать что въ первомъ томѣ находятся, положимъ, *мелкія стихотворенія*, въ третьемъ—*повѣсти*, въ четвертомъ—*поэмы* и т. д. Вы сразу берете изъ вашего шкафа нужный вамъ томъ, знаете гдѣ вамъ искать то или другое произведеніе, сразу находите что вамъ хочется перечитать. Трудно представить себѣ то странное впечатлѣніе которое производитъ на читателя первый томъ новаго изданія. Это что-то необыкновенно лестрое. Русскія стихотворенія чередуются съ французскимъ; на каждомъ шагу встрѣчаются стихотворенія дѣтскія, незрѣлыя, скажемъ прямо—ничтожныя. Все перемѣшано ради хронологическаго порядка, и Пушкина приходится не читать, но отыскивать среди этого хронологическаго столпотворенія.

Прочитавъ *двѣсти* страницъ перваго тома, если только достанетъ терпѣнія и силъ совершить такой подвигъ, вы все еще не познакомились съ Пушкинымъ, лишь изрѣдка встрѣ-

чались съ нимъ. Вы измучены и раздосадованы Ледами, Лилами, подражаніями Парни, всѣмъ этимъ незрѣлымъ лепетомъ лицеиста. Вамъ невольно приходятъ въ голову слова самого Пушкина:

Когда на память мнѣ невольно
 Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрагаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ *стыдно* и *идоловъ моихъ*.
 Къ чему несчастный я стремился?
 Предъ кѣмъ унижалъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

Не подлежитъ сомнѣнію что самъ Пушкинъ непременно выпустилъ бы значительную часть стихотвореній предлагаемыхъ намъ теперь г. Ефремовымъ еслибы великому поэту пришлось еще разъ издавать свои сочиненія. Хронологическій порядокъ оказываетъ въ этомъ случаѣ весьма плохую услугу читателю. Зрѣлое и незрѣлое, высокое и ничтожное переплетаются въ первомъ томѣ новаго изданія въ такую странную смѣсь что чтеніе становится здѣсь трудомъ, а не наслажденіемъ. Нужна долгая привычка чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ и привыкнуть находить въ немъ дѣйствительнаго Пушкина, великаго поэта, великаго художника.

Владѣльцу правъ на изданіе сочиненій Пушкина не слѣдуетъ забывать какъ мало сдѣлано имъ чтобы популяризовать творенія величайшаго русскаго поэта. Поколѣніе современное Пушкину почти наизусть знало его стихотворенія; теперь отцы знаютъ Пушкина лучше дѣтей. Говоря вообще, современное русское общество мало знакомо съ Пушкинымъ; оно совсѣмъ его не знаетъ, если принять въ соображеніе значеніе и мѣсто Пушкина въ русской литературѣ и затѣмъ сравнить между собою степень важности поэта и степень знакомства съ нимъ. Наше эстетическое воспитаніе должно быть основано на Пушкинѣ. Кто отважится сказать теперь что онъ „выросъ на Пушкинѣ“? Далеко ли ушло отъ насъ то время когда глумленіе надъ поэтомъ, красой и сла-

вой Русскаго народа и языка, когда такое глумленіе считалось признакомъ „развитости“, „серіознаго“ взгляда на жизнь? Сильно ошибется кто подумаетъ что мы знаемъ Пушкина какъ Англичане знаютъ Шекспира, какъ Нѣмцы знаютъ Гёте и Шиллера.

Орудіемъ живаго общенія съ поэтомъ служатъ прежде всего разумно составленныя изданія его сочиненій. Общественныя различія и вкусы безконечно разнообразны. Одинъ любитъ роскошныя изданія въ роскошныхъ переплетяхъ, другой — изданія съ рисунками, третьему желательно имѣть стереотипъ который укладывался бы въ карманѣ. Это слѣдуетъ имѣть въ виду издателю и дать каждому то что ему нужно. Что сдѣлано у насъ для Пушкина въ издательскомъ отношеніи? Смѣшно и больно за русскихъ художниковъ когда приходится сознаваться что у насъ нѣтъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Пушкина, смѣшно и больно вспоминать что ко дню открытія ему лампачика мы были лишены возможности имѣть въ рукахъ его сочиненія, что въ распоряженіи нашемъ находится безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ иностранныхъ изданій Гёте и Шиллера, изданій въ которыхъ за одинъ рубль можно имѣть полное собраніе ихъ сочиненій, и что ничего подобнаго не сдѣлано по отношенію къ Пушкину. При такомъ положеніи дѣла невольно приходится предъявлять нѣсколько особыя требованія къ *Собранію сочиненій Пушкина*.

Мы очень хорошо понимаемъ возможность и желательность капитальнаго изданія Пушкина, cum notis variorum, съ полнымъ критическимъ аппаратомъ и т. д. Но наступило ли для такого изданія время? Нѣтъ ничего неприятея полу-серіозныхъ предпріятій. Нельзя и не слѣдуетъ предпринимать quasi - критическое изданіе если не обладаешь для этого всѣми необходимыми матеріалами. Не слѣдуетъ забывать что за отсутствіемъ всякихъ другихъ изданій, *Собраніе сочиненій Пушкина* является почти единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ великимъ русскимъ поэтомъ. Дѣйствительно - критическое изданіе, изданіе будущаго, будетъ разчитано на сравнительно болѣе тѣсный кругъ читателей. Настоящее изданіе г. Исакова предназначено для всѣхъ, для каждой домашней библіотеки, для людей всѣхъ званій и профессій, въ подарокъ молодымъ людямъ и молодымъ дѣвцамъ, предназначено, словомъ, для сама-

го широкаго и разнообразнаго круга читателей. Это слѣдовало прежде всего имѣть въ виду и сообразно съ этимъ расположить изданіе: уменьшить его цѣну, сократить примѣчанія, внести въ нихъ нѣсколько болѣе біографическаго элемента. Не будемъ вступать въ бесплодный споръ о „школьныхъ родахъ поэзіи“ къ которымъ такъ презрительно относится предисловіе. Несомнѣнно одно. Для публики гораздо удобнѣе видѣть повѣсти съ повѣстями, прозу съ прозой, мелкія стихотворенія отдѣльно отъ большихъ поэмъ. Вамъ нужно чтобы ваше изданіе читали, читали какъ можно болѣе? Въ такомъ случаѣ сдѣлайте его удобочитаемымъ. Позаботьтесь объ удобствѣ публики, и будьте увѣрены что тогда она гораздо скорѣе и охотѣе прочтетъ всего Пушкина, нежели въ строго - хронологическомъ порядкѣ размѣщенія стиховъ и прозы. Не будемъ слишкомъ строги тамъ гдѣ строгость эта не достигаетъ цѣли. Цѣль пока одна: опять дать публикѣ сочиненія Пушкина которыхъ такъ долго не было уже въ ея рукахъ. Нужно по возможности облегчить ознакомленіе съ дѣйствительнымъ Пушкинымъ, а не хлопотать о томъ чтобы непременно познакомить съ каждою строкой написанною двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Масса такъ - называемыхъ „Лицейскихъ стихотвореній“, столь щедро разсыпанныхъ по первому тому, ни на волосъ не будетъ содѣйствовать возбужденію симпатій къ Пушкину, восстановленію его поэтическаго образа, упроченію его поэтической славы. Мы полагаемъ даже что „Лицейскія стихотворенія“ должны помѣщаться не иначе какъ въ отдѣльномъ томѣ. Пусть читаетъ ихъ тотъ кто захочетъ; размѣщать же ихъ въ хронологическомъ порядкѣ значитъ дѣлать первый томъ новаго изданія Пушкина неудобочитаемымъ.

По внѣшнему своему виду новое изданіе сочиненій Пушкина весьма удовлетворительно. Бумага и печать очень хороши. Въ *Русланъ* намъ случайно попала на глаза слѣдующая опечатка (стр. 233):

Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится *подъ* остылой.

Изданіе „претендующее“ быть хорошимъ должно бы избѣгать подобныхъ опечатокъ. Въ шестомъ томѣ, выпущенномъ одновременно съ первымъ, помѣщены: *Исторія Пугачевского бунта* и историческіе матеріалы.